

Н.А. КРАСАВСКИЙ
(Волгоград)

**МЕТАФОРА КАК СПОСОБ РЕЧЕВОГО
ВОПЛОЩЕНИЯ КОНЦЕПТА «СТРАХ»
В ПОВЕСТИ СТЕФАНА ЦВЕЙГА
«СТРАХ» ***

Основными средствами обозначения концепта «страх» в повести Стефана Цвейга «Страх» являются слова «die Angst», «das Grauen», «das Erschrecken». Антропоморфная глагольная метафора в ней служит ведущим средством выражения индивидуально-авторского концепта «страх». Перцептивно-образными признаками этого концепта являются: «удары сердца», «уколы в сердце», «дрожь в теле», «застывшие от холода колени и руки», «онемевший язык», «вихрь», «водоворот», «опущенная голова», «тиски», «удары молота», «вибрирующие как струны нервы», «пламя».

Ключевые слова: *концепт, индивидуально-авторский концепт, концептосфера, метафора, персонификация, перцептивно-образный признак, протагонист, ассоциация.*

В современной лингвоконцептологии приоритетными считаются исследования индивидуально-авторских концептосфер [2, с. 92–95; 3; 4, с. 104–106; 5], что обусловлено, с одной стороны, фактом исчерпывающего описания коллективных концептов национальных языков, а с другой – дефицитом работ, направленных на изучение специфики индивидуально-авторских картин мира. Исследование индивидуально-авторских концептов предполагает решение целого комплекса задач: 1) определение ключевых концептов в творчестве отдельного индивидуума; 2) выявление специфики их авторского речевого воплощения; 3) установление в содержании концептов смысловых приращений, эксплицируемых перцептивно-образными признаками; 4) определение ценностных признаков индивидуально-авторских концептов. Описание индивидуально-авторских концептов позволяет выявить особенности их содержания, установить в них смысловые приращения, нередко противоречащие общепринятому пони-

*Исследование проведено при финансовой поддержке Минобрнауки России на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания №2014/411 (код проекта: 1417).

манию того / иного феномена, а также определить специфику номинативных техник вербализации этого ментального образования. Изучение индивидуально-авторских концептов особенно интересно и важно, если оно проводится в лингвоаксиологическом аспекте. Ценностная составляющая концепта, равно как и его понятийный и перцептивно-образный признаки, признаются большинством исследователей облигаторными в структуре данного когнитивного образования. При изучении национальных концептов, следовательно, выявляются некие усредненные ценности, те ценностные ориентиры, которые понятны большинству носителей того / иного языка и приняты им. Поскольку ценности как система неких поведенческих правил, выработанных обществом и им принятых, могут быть в определенной степени и индивидуальными, то возникает необходимость их выявления, в том числе и через интерпретацию текстов, созданных конкретными языковыми личностями. В фокусе исследовательского внимания лингвоконцептологов обычно оказываются индивидуально-авторские концептосферы элитарных языковых личностей, повлиявших, как правило, на духовное развитие социума своим творчеством, обогативших общество новыми идеями, нестандартным подходом к интерпретации мира, глубиной его познания, равно как и высокой речевой культурой. К числу элитарных языковых личностей относится австрийский писатель Стефан Цвейг (1881–1942 гг.), обладавший чувством высокого слога, мастерски создававший интригующе-напряженные сюжеты, талантливо живописавший художественные образы, остро ощущавший болевые точки своего времени. Литературный критик и переводчик Ю.И. Архипов, характеризуя творчество Ст. Цвейга, отмечает: «Он захватывает читателя с первых строк любой своей книги, щедро одаривая радостью узнавания и сопереживания до самых последних страниц. Книги Цвейга из числа тех, о которых принято говорить, что их “проглатывают”. Занимательность сюжета, легкость беглого, но аккуратного слога, щемящая душу чувствительность описаний, доступный психологизм диалогов – вот слагаемые такого успеха» [1, с. 410]. Книги австрийского писателя, судя по тиражам их переиздания, активно читаются и в наши дни.

Интроверт Цвейг крайне болезненно воспринимал дисгармонию окружающей действительности, жестокость мира, грозящую

ему опасность, те политические события, которые разворачивались в Европе в 1930-х гг. Не случайно в концептосфере многих его произведений ключевую позицию занимает концепт «страх».

В предлагаемой читателю статье при исследовании концепта «страх» мы акцентируем внимание на таком способе его вербализации, как метафора, решая при этом задачу выявления перцептивно-образных признаков данного концепта. В повести «Страх» этот концепт обладает высокой семантической плотностью, причиной чего служат сюжет произведения, коммуникативное намерение его автора вскрыть сложный механизм мира переживаний протагониста Ирене Вагнер, анатомию ее многогранного страха.

В немецком языке концепт «страх» обозначается лексемами *die Angst, die Scheu, die Beklemmung, die Furcht, der Schreck, der Schrecken, der Erschrecken, der Schauer, das Grauen, das Grausen, das Entsetzen* и их соответствующими дериватами. В повести Ст. Цвейга указанный концепт обозначается целым рядом лексических единиц и их производных: *Angst* (напр., *Angstgefühl, Angstgedanke, Lebensangst, Angstträume, angstlos, Beängstigung, ängstlich, ängstigen*), *Grauen* (напр., *grauenhaft, grauenvoll*), *Furcht* (напр., *furchtbar, fürchten, befürchten, fürchterlich*), *Schreck* (напр., *Schrecken; Erschrecken*), *Schauer* (напр., *durchschauern*), *Entsetzen* (напр., *entsetzlich*). Суммарное количество этих лексем и их дериватов составляет 28 позиций. Индекс частотности их употребления в повести «Страх» равен 178. Количественные показатели обозначения концепта «страх» и частотность употребления его номинантов свидетельствуют, по нашему мнению, о релевантности этого феномена для автора повести. Согласно статистическим данным, концепт «страх» наиболее часто обозначается в этом произведении словом *Angst* (46 употреблений). Номинант эмоции *Angst* и синонимичные ему слова *Grauen, Erschrecken* выступают компонентами в составе метафор, раскрывающих содержание описываемого концепта. Высокая рекуррентность метафор в повести определяется их полифункциональной природой.

Номинативная, когнитивная, художественно-эстетическая и экспрессивная функции признаются основными функциями метафоры. В силу своих структурных свойств метафора обладает номинативными преимуществами по сравнению с прямыми обозначениями. В художественных текстах ею выражаются смыс-

лы, речевое воплощение которых бывает трудно осуществить лексическими единицами, используемыми в их прямом значении. Метафора как вторичный тип номинации представляет собой максимально гибкий инструмент оязыковления смыслов, что и объясняет ее активное использование в художественной коммуникации. Метафора – это действенное художественно-эстетическое средство выражения глубинных смыслов, фиксирующих наш познавательный опыт. С помощью метафоры образно, ярко передается сложный и пестрый эмоциональный мир человека, мир его противоречивых ощущений и переживаний. Причина активного употребления метафоры в произведениях австрийского писателя видится прежде всего в высокой психологической напряженности их сюжетов, в авторской интенции в мельчайших подробностях показать всю разнообразную палитру психологической жизни своих персонажей (в повести «Страх» – мир переживаний Ирене Вагнер, от скуки изменявшей мужу и впоследствии рафинированно наказанной им постоянными преследованиями и шантажом нанятого третьего лица).

Наиболее распространенным типом метафоры, в состав которой входят номинанты эмоции страха, как показывает фактографическая база повести, является антропоморфная метафора, в частности такая ее разновидность, как персонификация. Этот лингвистический факт объясняется социально-психологической релевантностью для человека его собственных поступков, его преобразующей действительностью деятельностью. Стремление человека измерять, а значит, и оценивать «вещи» мира сквозь призму собственного Я служит причиной высокого индекса употребления в речи антропоморфной метафоры. Особенно продуктивен глагольный тип антропоморфной метафоры. В выявленных нами примерах номинант эмоции страха выступает в роли метафоризируемого компонента, а глагол – в роли метафоризирующего.

Далее обратимся к анализу примеров метафоризации обозначений страха, позволяющих выявить перцептивно-образные признаки исследуемого концепта. В приведенном ниже пассаже повести протагонист Ирене Вагнер, выходя из квартиры любовника, испытывает жуткий страх быть увиденной на улице знакомыми, которые могут легко догадаться о ее порочной внебрачной связи с молодым человеком. Страх персонифицирован. Он – подобно живому существу – способен схватить человека, задержать его движение: *Draußen*

aber stand schon die Angst, ungeduldig sie anzufassen, und hemmte ihr so herrisch den Herzschlag, dass sie immer schon atemlos die wenigen Stufen niederstieg, bis sie die nervös zusammengeraffte Kraft versagen fühlte [7, с. 2]. Страх нетерпеливо (*ungeduldig*) стоит у подъезда, готовится к нападению, способен изменить психофизическое состояние человека. Наречием *herrisch* (повелительно) показаны сила страха, его способность приказывать человеку (*herrisch < der Herr*). Жертва страха Ирене чувствует, как замедлились удары ее сердца (*Herzschlag*), сбилось дыхание (*atemlos*), изменился ритм пульса. Страх протагониста ассоциируется в повести также с уколами в сердце, вихрем, водоворотом. Этому чувству приписывается признак высокой интенсивности: *Sie sagte das mit einer kalten Bosheit, die Irene ins Herz stach. Wehrlos fühlte sie sich gegen die nackte Brutalität dieser Gemeinheit, und immer wirbeliger fasste sie der Angstgedanke...* [Там же, с. 10]. В приведенном фрагменте текста испытываемый Ирене страх подобен вихрю. Страх кружит ее подобно водовороту, доводя до полубессознательно-го состояния.

Страху в повести Ст. Цвейга приписывается способность преследовать человека, охотиться за ним: *Abgewandt, mit rascher Bewegung streckte sie ihr die kostbare Tasche hin, dann lief sie, von Grauen gejagt, die Treppe empor...* [Там же]. Не менее образно описано состояние страха (точнее, ужаса) протагониста в следующем фрагменте текста: *Da fiel von einem oberen Stockwerk eine Tür ins Schloss, erschreckt raffte sie sich zusammen und hastete, indes ihre Hände unwillkürlich den dichten Schleier noch fester zusammenrafften, die Stufen hinab. Jetzt drohte noch jener letzte furchtbarste Moment, das Grauen, aus fremdem Haustor auf die Straße zu treten und vielleicht in die vordringliche Frage eines vorübergehenden Bekannten hinein, woher sie käme, in die Verwirrung und Gefahr einer Lüge: sie senkte den Kopf wie ein Springer beim Anlauf und eilte mit jähem Entschluss gegen das halboffene Tor* [Там же, с. 2]. Ирене, боявшаяся очередного появления шантажистки, требующей за молчание о ее внебрачной связи с молодым человеком деньги, изображается с опущенной от ужаса головой, подобно спортсмену на старте беговой дорожки. Ирене сжимает руками до боли лицо, что выдает ее психическое состояние, близкое к панике. Страх способен мучить человека, лишать его покоя, морально изматывать. В данном случае в сознании

читателя страх ассоциируется с душевными терзаниями, дискомфортным состоянием человека.

Достаточно показателен и другой пример, иллюстрирующий персонификацию страха, его способность воздействовать на психическое состояние человека: *Angst war das Gefühl, das bei ihr auf alles antwortete, was außergewöhnlich war* [Там же, с. 24]. Малейший шум в квартире и во дворе, громкие голоса вызывали чувство страха у Ирене. В следующем отрывке текста эмоции ужаса приписывается способность сидеть в доме подобно живому существу и психологически изматывать: *Nun saß das Grauen bei ihr im Haus und rührte sich nicht aus den Zimmern. In den vielen leeren Stunden, die immer wieder Welle auf Welle die Bilder jener entsetzlichen Begegnung in ihr Gedächtnis zurückspülten, wurde ihr das Hoffnungslose ihrer Situation vollkommen klar* [Там же, с. 10]. Страх способен робко (*zaghaf*) постукивать молотком по вискам Ирене, когда она начинает думать о своем муже, в характере которого не разобралась за все годы совместной жизни и которого, оказывается, боится: *Nun erst begann sie sein ganzes Leben an vereinzelt Zügen zu messen, die seinen Charakter ihr aufdeuten konnten. An jede kleine Erinnerung pochte jetzt ihre Angst mit zaghafem Hammer, Eingang zu finden in die geheimen Kammern seines Herzens* [Там же, с. 11].

Речевое воплощение концепта «страх» в повести не ограничивается только антропоморфной метафорой. Данный концепт эксплицируется также метафорами огня и холода. Боясь получения мужем письма от шантажистки, Ирене испытывает страх, выжигающий ее изнутри: *Ihr erstes Gefühl war Erschrecken. Immer, wenn sie laute Stimmen hörte oder eine Erregung im Hause, schauerte sie zusammen. Angst war das Gefühl, das bei ihr auf alles antwortete, was außergewöhnlich war, die brennende Angst, der Brief sei schon gekommen, das Geheimnis enthüllt* [Там же, с. 24]. Страху приписываются не только свойства огня, пламени, но и противоположные признаки – холода, сковывающего движения человека: *Ein schwarzer Kreisel surrte plötzlich vor ihren Augen, die Knie froren zu entsetzlicher Starre, und hastig musste sie sich am Geländer festhalten, um nicht jählings nach vorne zu fallen* [Там же, с. 2]. В сознании Ирене, боявшейся разоблачения перед мужем, возникает образ черной юлы, издающей неприятный гул, ее колени застыли от холода, она не может дальше передвигаться.

В концептосфере повести Ст. Цвейга обнаруживаются редкие случаи использования технической метафоры. Оригинальность речевого воплощения страха проявляется в его сравнении с тисками, сжимающими тело и душу человека: *Dann, nicht mehr im Schraubstock der Angst, würde sie einfach, so beschloss sie sofort, ruhige Haltung bewahren, alles ableugnen, kühl einen Irrtum behaupten und, da ein Beweis jenes Besuches anders als zur Stelle kaum zu erbringen war, diese Person eventuell der Erpressung bezichtigen* [7, с. 4]. В приведенном эпизоде текста Ирене ищет тактику вербальной борьбы с шантажирующей ее женщиной. Ирене видит главной своей задачей избавление себя от «тисков страха» (*nicht mehr im Schraubstock der Angst*). Протагонист понимает, что только в спокойном, уравновешенном состоянии можно справиться с шантажисткой.

Индивидуально-авторский концепт «страх» в повести Ст. Цвейга выражается во множестве контекстов, не содержащих непосредственно его номинации. Приведем пример: *Mit einem bösen Blick nahm die Person das Geld. »Luder«, murmelte sie dabei. Frau Irene zuckte unter dem Wort zusammen, aber sie sah, dass die andere ihr die Tür freigab und stürzte hinaus, dumpf und atemlos, wie ein Selbstmörder vom Turm. Sie spürte Gesichter als verzerrte Fratzen vorbeigleiten, wie sie vorwärts lief, und rang sich mühsam mit schon verdunkeltem Blick durch bis zu einem Automobil, das an der Ecke stand. Wie eine Masse warf sie ihren Körper in die Kissen, dann wurde alles in ihr starr und regunglos...* [Там же, с. 2]. Ирене, заплатив шантажирующей ее женщине деньги, в страхе бежит из подъезда. Взгляд ее замутнен ужасом унижения. Спешно сев в автомобиль, она застывает, не в состоянии даже пошевелиться. В следующем примере ярко проявляются такие перцептивно-образные признаки концепта «страх», как дрожь, озноб в теле, застывшие руки: *In der Fahrt erst spürte sie, wie sehr diese Begegnung sie ins Herz getroffen hatte. Sie tastete ihre Hände an, die erstarrt und kalt wie abgestorbene Dinge an ihrem Körper niederhingen, und begann mit einem Male so zu zittern, dass es sie schüttelte* [Там же, с. 4].

Следующий художественный пример, описывающий беседу протагониста с шантажисткой, позволяет выделить такие перцептивно-образные признаки концепта «страх», как дрожь в теле, онемевший язык: *Irene zuckte zusammen, als sie ihren Namen hörte. Die Per-*

son wusste ihren Namen, ihre Wohnung. Jetzt war alles verloren, sie ihr rettungslos ausgeliefert. Sie hatte Worte zwischen ihren Lippen, die sorgsam vorbereiteten und berechnenden Worte, aber ihre Zunge war gelähmt und ohne Kraft, einen Laut hervorzubringen [Там же, с. 9]. В приведенном ниже пассаже передано эмоциональное состояние Ирене, со страхом ожидающей возвращения с работы мужа, который мог уже получить письмо шантажистки, обещавшей рассказать о порочной связи героини: *Ihr Mann war noch nicht zu Hause, so konnte sie sich hinwerfen auf das Sofa. Regungslos, wie von einem Hammer getroffen, blieb sie liegen, nur durch die Finger sprang ein wildes Zucken und rüttelte den Arm bis zu den Schultern hinauf, aber nichts in ihrem Körper vermochte sich zu wehren gegen diese aufstürmende Gewalt des entfesselten Grauens* [Там же, с. 11]. Потеряв способность двигаться, подобно человеку, получившему удар молотом по голове, Ирене чувствует, как дрожат ее пальцы, как какая-то сила схватила ее за руку и предплечье и начала трясти.

Не менее образно и экспрессивно описание страха посредством изображения Ст. Цвейгом вибрирующих, как струны, нервов Ирене и ее застывшего от ужаса сердца в сцене повести, где ей предстоит разговор с мужем, догадывающимся об измене жены: *Sie schwiegen und schwiegen. Sie fühlte, wie er sich bändigte, fühlte es, ohne hinzusehen. Endlich trat er auf sie zu. Nahe und nun ganz nah. Sie konnte seinen schweren Atem spüren und sah mit ihrem starren und wie verwölkten Blick den Glanz seiner Augen funkelnd aus dem Dunkel des Raumes treten. Seinen Zorn wartete sie schon losbrechen zu hören und schauerte starr dem harten Griff seiner Hand entgegen, der sie erfasste. Irenen stand das Herz still, nur die Nerven vibrierten wie hochgespannte Saiten; alles wartete auf die Züchtigung, und beinahe ersehnte sie seinen Zorn* [Там же, с. 39].

Яркость проявления и оригинальность индивидуально-авторского концепта «страх» Ст. Цвейга становятся еще более очевидными при сравнении перцептивно-образных признаков этого когнитивного образования с данными лексикографических источников. Согласно словарным статьям [6], обозначающие концепт «страх» слова *Angst, Furcht, Grauen, Schrecken, Schreck, Schauer, Entsetzen*, судя по контекстам их употребления, обнаруживают следующие признаки: *борьба, сон, дрожать, нападать, побелеть, война, смерть, крик, бегство, скованность движе-*

ния: *Angst bekämpfen, unterdrücken, einjagen, haben, vor Angst nicht schlafen können, in tausend Ängsten schweben; Furcht einjagen, empfinden, haben, aus Furcht vor Strafe lügen, jn in Furcht versetzen, Ritter ohne Furcht und Tadel, von Furcht ergriffen, gepackt werden, Furcht vor dem Tode, vor Furcht erleichen, beben, zittern; das Grauen des Krieges, mich erfasste, ergriff, überkam, überlief ein Grauen, mit Grauen etwas erkennen, kommen, sehen, voraussehen; die Schrecken des Krieges, Todes, Unwetters, einen Schreck bekommen, kriegen, der Schrecken fuhr mir durch, der Schrecken lag mir noch in den Gliedern, in den Knochen, ein eisiger, jäher, tiefer Schrecken, jn in Schrecken halten, setzen; vor Schreck aufschreien, beben, davonlaufen, zittern; sie war vor Schreck wie gelähmt, bleich, starr vor Schreck; ihn erfasste ein frommer Schauer, ein kalter Schauer lief mir den Rücken hinunter; Entsetzen bemächtigte sich der Zuschauer, Entsetzen ergriff die Menge, die Menschen wurden von E. erfasst, gepackt, geschüttelt.*

Индивидуально-авторское понимание страха Ст. Цвейгом, как показывает изложенный материал, сводится к следующим перцептивно-образным признакам: «удары сердца», «уколы в сердце», «дрожь в теле», «застывшие от холода колени и руки», «онемевший язык», «вихрь», «водоворот», «опущенная голова», «тиски», «вибрирующие как струны нервы», «удары молота», «пламя». Легко заметить, что у индивидуально-авторского концепта «страх» Ст. Цвейга больше перцептивно-образных признаков по сравнению с признаками, выявленными в лексикографических источниках.

Список литературы

1. Архипов Ю.И. Триумф и трагедия Стефана Цвейга // Цвейг Стефан. Нетерпение сердца. Исторические миниатюры. М.: Правда, 1982. С. 410–415.
 2. Выстропова О.С. Гипербола и сравнение как способы репрезентации индивидуально-авторского концепта «любовь» в творчестве Р. Бернса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». 2013. №1 (76). С. 92–95.
 3. Кривошапко С.А. Концепты «время» и «пространство» в лирической поэзии С.А. Есенина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д., 2010.
 4. Макарова О.С. Метафорическая реализация индивидуального базисного концепта «Wahrheit» в философии Ф. Ницше // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №4 (22). С. 104–106.
 5. Маслова В.А. Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой : учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2004.
 6. Deutsches Wörterbuch. G. Wahrig. Gütersloh München. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. 1493 S.
 7. Zweig Stefan Angst. URL: <http://www.gutenberg.org>.
- * * *
1. Arhipov Ju.I. Triumf i tragedija Stefana Cvejga // Cvejg Stefan. Neterpenie serdca. Istoricheskie miniatjury. M.: Pravda, 1982. S. 410–415.
 2. Vystropova O.S. Giperbola i sravnenie kak sposoby reprezentacii individual'no-avtorskogo koncepta «ljubov'» v tvorcestve R. Bernsa // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Ser. «Filologičeskie nauki». 2013. №1 (76). S. 92–95.
 3. Krivoschapko S.A. Koncepty «vremja» i «prostranstvo» v liricheskoj poezii S.A. Esenina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-n/D., 2010.
 4. Makarova O.S. Metaforičeskaja realizacija individual'nogo bazisnogo koncepta «Wahrheit» v filosofii F. Nicshe // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. №4 (22). S. 104–106.
 5. Maslova V.A. Pojet i kul'tura. Konceptosfera Mariny Cvetaevoj : ucheb. posobie. M.: Flinta : Nauka, 2004.
 6. Deutsches Wörterbuch. G. Wahrig. Gütersloh München. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. 1493 S.
 7. Zweig Stefan Angst. URL: <http://www.gutenberg.org>.

Metaphor as the way of speech implementation of the concept “fear” in the story by Stefan Zweig “Fear”

The basic means to denote the concept “fear” in the story by Stefan Zweig “Fear” are the following words: “die Angst”, “das Grauen”, “das Erschrecken”. In this story the anthropomorphic verbal metaphor serves as the main means to express the individual author’s concept “fear”. The perceptive figurative signs of this concept are “heart beats”, “heart pricks”, “body shiver”, “frozen knees and hands”, “speechless tongue”, “whirlwind”, “swirl”, “head down”, “grip”, “hammer strikes”, “nerves quivering as strings”, “flame”.

Key words: concept, individual author’s concept, concept sphere, metaphor, personification, perceptive figurative sign, protagonist, association.

(Статья поступила в редакцию 12.01.2015)